

В.С. Автономов

*д.э.н, член-корреспондент РАН, профессор,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Институт мировой экономики и международных
отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва)*

СУДЬБА «БОЛЬШИХ ТЕОРИЙ» В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ¹

Аннотация. Среди экономистов в настоящее время иногда возникают дискуссии о так называемых «больших теориях», которых не хватает в современной экономической науке и которые могли бы противостоять тенденциям фрагментации, разбивающим её на отдельные, плохо связанные между собой части. Концепция абстрактных «больших теорий» возникла в социологии и получила наибольшее развитие у Р.Мертон, который противопоставлял им эмпирически обоснованные и проверяемые «теории среднего уровня», которые следовало предпочесть. В истории экономической науки классической большой теорией можно назвать теорию Карла Маркса. В какой-то мере, ей была теория общего равновесия Леона Вальраса. В дальнейшем произошла значительная специализация и сегментация экономической теории, которая строится на частичных моделях. Мейнстрим экономической науки претерпел в последние десятилетия значительные изменения, но они шли преимущественно в направлении большей разнородности. Несмотря на некоторые отрицательные последствия этой тенденции и её критику в литературе, возврат к большим теориям в обозримом будущем представляется маловероятным.

Ключевые слова: методология экономической науки, большая теория, сегментация, Карл Маркс, маржиналистская революция, теория общего равновесия, мейнстрим экономической теории.

JEL: B13, B14, B25, B41

УДК: 330.83

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_96_105

© В.С. Автономов, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Автономов В.С. Судьба «больших теорий» в экономической науке // Вопросы теоретической экономики. 2024. №1. С. 96–105. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_96_105.

FOR CITATION: Avtonomov V.S. The Fate of «Grand Theories» in Economic Science // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 1. Pp. 96–105. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_96_105.

¹ Работа представляет собой расширенную и доработанную версию доклада, прочитанного на конференции в Московской школе экономики в октябре 2022 г. Краткая версия статьи опубликована: Автономов В.С. «Большие теории»: от идеала к жупелу и обратно? // Сегментация экономической науки и проблемы синтеза: сб. материалов IV Октябрьской междунар. науч. конф. по проблемам теоретической экономики, 19–20 октября 2022 г. / Под редакцией А.А. Мальцева, О.А. Славинской. — М.: ИЭ РАН, 2023. С. 13–16.

Разговор о «больших теориях» в общественных науках начался за пределами науки экономической. Вероятно, он пришёл из социологии и встречается впервые у выдающегося американского социолога Ч.Р. Миллса [Миллс, 1998]. Миллс принадлежал к американскому прагматизму и, понятно, отрицательно относился к абстрактной теории. Соответственно он использовал «большую теорию» (точнее — высокую теорию²), имея в виду осуждающий термин с ироническим оттенком. Действительно, если уж употреблять здесь термин «большой», то в голову приходит в первую очередь московский Большой театр, который является таковым не только по размеру, но и по значению. Надо сказать, что в английском языке высокую теорию можно обозначить и еще одним термином, *high theory*³, в котором, пожалуй, меньше места для иронии, чем в *grand theory*. Наверно, «великая теория» (Википедия, «Социологическое воображение») была бы ещё более точным русским эквивалентом. Но смысл, в котором Миллс употреблял данный термин, вполне понятен. Миллс выступал против абстрактной теории, не основанной на эмпирическом наблюдении, на примере в первую очередь парсонсовской социологии. При этом другая крайность под названием «абстрактный эмпиризм», не обогащённый теоретическими гипотезами, ему также антипатична. Правильный выбор, очевидно, находился посередине.

В близком смысле, правда, не упоминая о больших, высоких или великих теориях, трактовал эту проблему Р. Мертон, противопоставляющий «общей теории социальных систем» «теории среднего уровня». В первом случае речь идёт о «всеобъемлющих систематических попытках разработать общую теорию, которая объяснит все наблюдаемые закономерности социального поведения, социальной организации и социального изменения [Мертон, 2006. С. 64]. «Теории среднего уровня» (такие, как теории референтных групп, социальной мобильности или ролевого конфликта и формирования социальных норм), разумеется, также содержат отвлечённые понятия, но они достаточно тесно связаны с наблюдаемыми данными, чтобы их можно было свести к утверждениям, допускающим эмпирическую проверку [Мертон, 2006. С. 65]. Конструктивным идеям в таких теориях свойственна простота: начальная идея проверяется тем, получают ли эмпирическое подтверждение сделанные на их основе выводы. Эти теории среднего уровня не выводятся логически из единой всеобъемлющей теории социальных систем, хотя в своём окончательном виде могут не противоречить ей или даже некоторым из всеобъемлющих теорий [Мертон 2006. С. 66–67]. Монографию Э. Дюркгейма «Самоубийство» Мертон считал классическим примером использования и развития теории среднего уровня [Мертон, 2006. С. 89].

Мертон однозначно осуждал «поиск универсальной системы социологической теории», называя его «заманчивым и бесперспективным» [Мертон, 2006. С. 71–72]. Он выделял два основных источника универсальных социологических систем: глобальные философские системы, которые считали себя обязанными создавать философы XIX в. «со всей их многозначительностью, архитектурным великолепием и научным бесплодием» [Мертон, 2006. С. 79] и естественнонаучные системы, которые также пытались взять за образец социологи [Мертон, 2006. С.73].

² «...отказ от истории можно рассматривать как реакцию на искажения, допущенные первым направлением [О. Конт, К. Маркс, М. Вебер], однако систематическая теория о сущности человека и общества также легко может превратиться в доведённый до совершенства бесплодный формализм, где основное внимание уделяется умножению понятий и бесконечному манипулированию ими. У сторонников этого направления, которое я буду называть «Высокой теорией», понятия по существу заменяют действительность. Работы Толкотта Парсонса — наиболее характерный пример систематической теории в современной американской социологии» [Миллс, 2001]. <https://www.hse.ru/data/2010/09/08/1221349036/%D0%9C%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D1%81%20%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%20%D0%B2%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.doc> (дата обращения: 23.12.2023).

³ Этот смысл используется в работе Дж.Л.С. Шекла «The years of high theory» [Shackle, 1967], где речь шла о формализации и математизации экономической теории.

Р. Мертон предполагал, что более обстоятельную теорию можно получить через объединение теорий среднего уровня, не рассчитывая на то, что она целиком появится из широкомасштабного исследования отдельных теоретиков [Мертон, 2006. С. 81]. Идеи Мертона, похоже, оказали определяющее влияние на некоторых экономистов, обсуждающих современное состояние и историю своей науки.

Внимание к большим теориям в экономической науке в последние десятилетия было вызвано противоположной тенденцией, которую можно назвать сегментацией или фрагментацией экономической теории. Под ней понимается ситуация, когда для разных сфер экономики предлагаются разные объяснения, основанные на разных методах исследования. Критики предполагают, что сегментация из общих соображений плоха, и отсутствие единой большой теории, произрастающей из одного корня, является симптомом кризиса. Но на самом деле вопрос о соотношении больших теорий и сегментации гораздо более старый и сложный. Он заслуживает исторического рассмотрения.

Казалось бы, первой экономической теорией, заслуживающей такого эпитета, можно назвать теорию А. Смита, которую Дж. Стиглер назвал дворцом, построенном на граните собственного интереса. Но в полном смысле слова цельной теоретической системой её назвать всё-таки сложно. Как мы знаем, у Смита не было даже единой теории ценности, которая в дальнейшем (у К. Маркса и Л. Вальраса) лежала в основе большой теории. У Д. Рикардо были разные теории ценности для свободно воспроизводимых благ, редких благ и благ, участвующих в международном обмене. Такая ситуация, которая объяснялась, в частности, институциональными условиями и выбранной Рикардо моделью человека — люди чувствуют себя менее уверенно за границей, поэтому между странами товарные потоки затруднены и нет свободной конкуренции. Именно последняя даёт возможность применять трудовую теорию ценности⁴. Фрагментация рикардианской теории ценности считается многими исследователями одной из основных причин маржиналистской революции, которая заменила множественную теорию ценности единой концепцией предельной полезности.

Наверно, классической большой теорией в строгом смысле была экономическая теория К. Маркса, построенная на диалектическом восхождении от абстрактного к конкретному, от сущностей (стоимостных категорий) к превращённым формам (ценовым категориям). Правда, в вышедшем при его жизни первом томе «Капитала» и в рукописях второго и третьего томов ему удалось достроить лишь первый этаж из примерно шестиэтажной постройки, но замысел большой теории в голове у Маркса, очевидно, был [Коган, 1983].

Следующая наша эпоха — маржиналистская революция. Среди основных деятелей маржиналистской революции, которая в итоге изменила облик экономической науки, отношение к большим теориям сильно различалось. К. Менгер и Л. Вальрас говорили о точной или чистой науке («сущностном знании»), не зависящей от эмпирии. Большой теорией, ориентирующейся на этот раз на естественнонаучные образцы и основанной на совершенно иных, маржиналистских и математических методах стала теоретическая постройка Вальраса, задумывавшаяся как трёхэтажная (чистая, прикладная и социальная политическая экономия), вновь со снижением уровня абстракции и вновь с достроенным лишь первым этажом. Недостроенное здание Вальраса позднее достроили, но вглубь, а не ввысь. К. Эрроу и Ж. Дебре подвели под вальрасовский фундамент аксиоматические сваи.

К. Менгер и его австрийские последователи, вероятно, тоже ориентировались на построение большой теоретической системы. Однако она должна быть построена из субъективных элементов, доступных нам с помощью интроспекции. В «Основаниях учения о народном хозяйстве» Менгер выстроил стройную логическую (но без всякой диалек-

⁴ Более подробно и глубоко о неоднородности всей экономической теории Рикардо: [Ананьин, 2005. С.149–151].

тики) последовательность экономических категорий от благ и до денег (и вновь перед нами первый том, в дальнейшем Менгер ввязался в методологические споры со Г. Шмоллером и исторической школой и отошёл от развития теории).

А что же третий отец-основатель маржинализма У.С. Джевонс? Он, напротив, в духе английского эмпиризма [Автономов, 2022] стремился создать что-то похожее на прикладную механику, предполагающую в будущем измерения, вычисления и практическое применение. Его идеалом была скорее ещё не существовавшая в то время эконометрика. Но самому Джевонсу удалось создать лишь чистую теорию политической экономии. Большую цельную теорию он создавать явно не собирался.

Представляется, что «эффект первого и единственного тома» (его можно встретить и у К. Маркса, и у Л. Вальраса, и у К. Менгера, и у А. Маршалла) — не случайное явление и представляет собой тенденцию, заслуживающую специального историко-методологического рассмотрения. Автору, замыслившему всеобъемлющую теоретическую конструкцию, своего рода Вавилонскую башню, как правило, хватает сил только на первый этап. Видимо, этот этап, основанный на достаточно сильной абстракции, легче построить, предвидя в будущем создание некоторого большого целого.

Неслучайно книги, содержащие этот этап, часто назывались «Принципами», «Основами», «Основаниями» политической экономии (Principles, Grundlagen, Grundsätze, éléments). «Общая теория» Кейнса на статус большой теории никак не могла претендовать.

Именно имея в виду противостояние К. Вальрасу, вопрос о замене больших дедуктивных теорий короткими причинно-следственными цепочками поставил в свое время А. Маршалл, впрочем, его книга также называлась «Principles of Economics». Систему частичного равновесия А. Маршалла вряд ли можно отнести к большим теориям. Ее можно скорее назвать общей схемой подхода к конкретным вопросам. Разные книги «Принципов» написаны на разных уровнях абстракции и с использованием различных методов (маржиналистский, классический, исторический).

В дальнейшем, после Второй мировой войны, ситуация сегментации сложилась, в частности, в рамках «великого неоклассического синтеза», когда кейнсианская теория применялась в отдельных случаях макроэкономического неравновесия, а в остальных случаях применялась неоклассическая теория. Синтезом в полной мере и уж большой теорией великий неоклассический синтез точно не являлся. В этой эклектической постройке второй макроэкономический этаж (включавший кейнсианскую макроэкономику) в общем-то не опирался на первый — неоклассическую микроэкономику. Мейнстрим, таким образом, оказался фрагментированным. Следует отметить, что в этот период, когда значительно возросла численность мирового сообщества экономистов, для сегментации и связанной с ней специализации в целом сложились благоприятные обстоятельства.

Если говорить о неоклассической основе мейнстрима экономической науки, то она пережила перемены, которые можно назвать колебаниями. Они были связаны с борьбой маршаллианской и вальрасианской традиций, из которых первая благоприятствует сегментации, а вторая — построению большой и многоэтажной теории (high theory). В этой борьбе первоначально верх одержали вальрасианцы. Идеал цельности и логической последовательности, возможность построить теоретическое здание на немногих аксиомах, которые пришли в экономическую науку из Гильбертовской математики, был в наибольшей степени реализован в системе общего равновесия К. Эрроу и Ж. Дебре.

Но эта большая теория не охватывала даже всю неоклассику.

Если дезагрегировать великий неоклассический синтез по отдельным трём школам, как это делает Ф. Мировски, то критерий большой теории можно успешно применить только к школе Комиссии Коулза, возглавлявшейся после войны сначала Дж. Маршаком, а затем Т. Купмансом. Эта школа опиралась на аксиоматизированную теорию общего равновесия Эрроу-Дебре, которая могла быть применена при любом наборе институциональных или

политических обстоятельств. А также на эконометрику, основанную на неоклассической теории (вспомним противостояние Купманса «измерению без теории» школы Митчелла и Национального бюро экономических исследований). Что касается политической позиции данной школы, то её абстрактный фундамент делал возможной разработку в её рамках теории рыночного социализма. В то же время её отношение к марксизму, институционализму и даже либерализму было отрицательным. Закат этой большой теории ознаменовала известная теорема Зонненшайна-Мантеля-Дебре.

Другие школы неоклассики скорее придерживались линии фрагментации.

Школа MIT под водительством П. Самуэльсона не занималась строительством моделей общего равновесия. Их модели были небольшого размера, но использовали намного более продвинутую математику, чем маршалловские. Кроме того, Самуэльсон и его единомышленники использовали кейнсианские идеи и выступали за активное государственное вмешательство (особенно в случае производства общественных благ).

Чикагская школа, особенно чикагская микроэкономика (Дж. Стиглер, Г. Беккер), была в наибольшей степени близка маршалловскому подходу. Её инструментами были небольшие модели, построенные с помощью простой математики, а идеологией — лозунги экономической свободы и недопустимости государственного вмешательства.

После системного кризиса западной экономики и экономической теории 1970-х гг. состав мейнстрима изменился, из него выпало кейнсианство, а теория общего равновесия переживала кризис по уже упомянутым причинам. Параллельно возникли новые тенденции. Хотя и далеко не сразу стали цениться теории, не опирающиеся на аксиомы системы общего равновесия и построенные вокруг отдельного стилизованного факта, наподобие рынка лимонов, проанализированного Дж. Акерлофом. Ближе всего они были к вышеупомянутой чикагской микроэкономике.

В наших координатах (большая теория vs сегментация) сложно дать оценку периоду гомогенизации мейнстрима, наступившему в 1980-е гг. после кризиса мировой экономики и экономической науки в середине 1970-х гг. С одной стороны, неоклассика заполнила вакуум, образовавшийся после выпадения из мейнстрима кейнсианства, и охватила макроэкономику. Возникла и добилась господства в академическом мире микрооснованная макроэкономика, фундаментом которой стала предпосылка рациональных ожиданий (как раз там, в отличие от микроэкономики, модели общего равновесия активно применяются и по сей день). Это в принципе устранило методологический разрыв между микроэкономикой и макроэкономикой, который был характерен для эпохи «великого неоклассического синтеза». Макроэкономика стала даже более абстрактной, чем микроэкономика. Однако прогрессивность этого поворота с самого начала подвергалась сомнению. Единство метода было достигнуто путём радикального упрощения макроэкономической картины, уподобившей сложную народнохозяйственную систему репрезентативному домашнему хозяйству. После Великой рецессии 2007–2009 гг., которая возникла вопреки ожиданиям и постулатам «микрооснованных макроэкономистов» школы реального цикла, необходимость корректировки курса стала общепризнанной, и макроэкономика стала более разнородной, включив в себя в том числе и кейнсианские элементы.

С другой стороны, в микроэкономике, где неоклассический анализ распространился на ранее неподвластные экономической науке сферы (экономический империализм), это происходило на основе не общего, а частичного равновесия. Так что гомогенизированный, пронизанный неоклассикой мейнстрим всё-таки трудно было характеризовать как одну «большую теорию».

Что же касается наступившего вслед за этим с 1990-х гг. периода гетерогенизации мейнстрима, когда в него вошли поведенческая и экспериментальная экономика, а также новая институциональная теория, то здесь можно сказать, что процесс сегментации вышел за пределы неоклассики и охватил весь мейнстрим. При этом надо отметить, что вливши-

еся в «основное течение» направления сами характеризовались значительной разнородностью. Новая институциональная экономика, сформировавшаяся на некоторых идеях Р. Коуза и О. Уильямсона, распространилась на несколько областей, в которых различались даже методы исследования. Так, в теории контрактов и «экономике и праве» господствуют неоклассические методы, основанные на предпосылках полной рациональности, тогда как в остальных подотраслях новой институциональной экономики рациональность ограниченная⁵. Пожалуй, в ещё большей степени это относится к поведенческой экономике, которая возникла как результат объяснения разных аномалий в мейнстримовской экономике (как в неоклассике, так и в кейнсианстве [Avtonomov V., Avtonomov Y., 2019]). Важной попыткой интегрировать некоторые из этих исследований стала знаменитая теория перспектив Д. Канемана и А. Тверски. Она во многом способствовала повышению статуса поведенческой экономики и её вхождению в мейнстрим. Но полного охвата областей поведенческой экономики одной теорией по-прежнему не наблюдается и близко. В результате гетерогенизации мейнстрима экономическая наука стала ещё больше похожа на ящик с инструментами, чем во времена Дж. Робинсон, придумавшей эту метафору.

В самое последнее время появилось несколько попыток создать общую экономическую теорию, среди которых следует, в частности, упомянуть монографию Чжан Вейбина, пытающуюся объединить синергетику, экономику сложности, теорию хаоса и самоорганизации [Wei-Bin Zhang, 2020].

Проанализировав историю этих колебаний между большими теориями и фрагментацией, легко заметить, что большие теории встречаются только в рамках первого, более абстрактного канона в истории экономической науки. Это понятно: чем теория абстрактнее, тем она универсальнее. Теории второго канона (исторические, институциональные) не обладали достаточной глубиной абстракции, чтобы вместить в себя универсальную конструкцию большой теории [Автономов, 2013].

Если давать этой картине нормативную оценку, то следует отметить, что в отличие от естественных наук, в которых большие теории пользуются заслуженным авторитетом, общественные науки, объектом которых является человеческое поведение, предполагают, на наш взгляд, методологический плюрализм и, следовательно, неизбежную сегментацию. Идеал большой теории, безусловно, эстетически привлекателен, но недостаточно практичен. Надо сказать, что в российском научном сообществе он популярен из-за привычки к марксистской политической экономии.

Причиной, в силу которой некоторые экономисты озабочены сегментацией своей науки, является естественное стремление к синтезу полученных ими знаний. Отвечая на этот запрос, можно сказать, что в настоящее время возникла новая тенденция к синтезу уже не на базе одной большой экономической теории, а на основе сближения различных общественных наук, пользующихся методами, которые среди обществоведов первыми начали применять экономисты: эконометрикой, теорией игр, анализом больших данных. О формировании такого междисциплинарного синтеза в последнее время много писал В.М. Полтерович [Полтерович, 2018a, 2018b]. В этих методах самих по себе нет ничего экономического, речь идет о разделах математики, действительно имеющих универсальное применение. Интересно, что среди экономистов эта тенденция, в конце концов, стала вызывать тревогу, поскольку упор на анализ больших данных и приближённых к естественнонаучным экспериментов в экономической науке потенциально может привести к отказу не только от большой теории, но и от теории вообще [Капелюшников, 2018].

⁵ На это, в частности, обращает внимание в недавно защищённой кандидатской диссертации А.А. Измайлов, предпринявший попытку охарактеризовать новую институциональную экономику как научно-исследовательскую программу по Лакатосу [Измайлов, 2023].

Похоже, что большие теории более прижились в экономической истории, чем в экономической теории. Так, теория, выдвинутая Д. Нортом и основанная на индивидуальной максимизации индивидуальными субъектами своей целевой функции, кажется, смогла представить современную альтернативу Марксовой концепции исторического материализма, которая отличалась от неё выбором объекта исследования и методологическим коллективизмом вместо методологического индивидуализма [Wisman, Willoughby, Sawers, 1988].

Обрисованная нами историческая эволюция больших теорий и фрагментации, кажется, не даёт оснований для ценностных суждений относительно преимуществ того или другого подхода. Однако в последнее время на фоне преобладающей сегментации становятся слышны голоса учёных, призывающих вернуться к большим теориям, чтобы во всеоружии подойти к большим и сложным проблемам мирового развития. Пожалуй, наиболее глубокой попыткой обоснования такого подхода можно назвать работу О.И. Ананьина [Ананьин, 2005]. Двумя критериями «больших» или «великих» теорий автор называет универсальность их обобщений и то, что они являются основами для практической политики [Ананьин, 2005. С. 149]. Причём практические рекомендации следуют из жёстких универсальных теоретических схем как логически неизбежные выводы [Ананьин, 2005. С. 148]. Очевидно, эти критерии отличаются от тех, о которых речь шла выше. Было бы нелепо настаивать, что наши критерии, которые ориентируются на критерии Мертона, «правильнее» отражают суть больших теорий, чем те, которые предлагает Ананьин. Правильных и неправильных определений умозрительного объекта быть не может. Но нам кажется, что два критерия Ананьина в некоторой степени противоречат друг другу. Универсальная экономическая теория может служить обоснованием политики лишь в очень ограниченном смысле, обрисовывая общие принципы, на которых последняя должна быть основана. В этом смысле теорию можно назвать «установочной» для политики, как это пишет Ананьин. Но это вовсе не относительно гибкое «искусство» политической экономии в духе Дж.С. Милля, а действительно жёсткие концептуальные рамки, от которых не так просто перейти к реальной экономической политике.

О.И. Ананьин считает, что «большие теории» — не чистая наука. Это теории, привязанные к историческим реалиям» [Ананьин, 2005. С. 165–166]. Такие теории служат «строительными лесами практики, искусства экономики» [Ананьин, 2005. С. 167]. Если же придерживаться мертоновского определения, то большие теории могут быть скорее фундаментом, над которым можно возвести разные здания. Конечно, автор волен дать большим теориям то определение, которое ему кажется целесообразным. Но нам кажется, что здесь возникает одна важная проблема. Её можно сформулировать так: в какой мере искусство может быть основано на науке? Можно ли на самом деле поверить алгеброй гармонию? Если бы политические рекомендации экономистов можно было бы уподобить реальной музыке А. Сальери, дело обстояло бы совсем неплохо. Но А. Пушкин, кажется, переоценил роль алгебры в процессе её сочинения. Ананьин приводит пример Д. Рикардо, который действительно пытался построить свои политические рекомендации на своей абстрактной теории. Но насколько этот переход можно считать плавным и адекватным? Й. Шумпетер, как известно, называл его «рикардианским грехом», Ананьин — «синкретизмом теории и практики» [Ананьин, 2005. С. 152], а Дж.С. Милль призывал, переходя от абстрактных выводов к политике, принять во внимание те факторы, от которых мы поневоле первоначально отвлеклись. Как именно достичь этой благой цели, он не указывал. Вероятно, каждый экономист, в том числе и создатель многоэтажных теоретических систем, хочет принести какую-то пользу для общества. Но эта установка не устраняет проблемы разрыва между теорией и практикой, о котором впервые написал Дж.С. Милль, разграничивая «чистую теорию» и «искусство политической экономии».

Понятно, что в набор больших теорий у О.И. Ананьина включается проект М. Вебера, теория крестьянского хозяйства А.В. Чаянова, ордолиберализм В. Ойкена.

Эти проекты можно отнести к попыткам перебросить мост между двумя канонами (Ойкен прямо пишет о необходимости преодолеть «большую антиномию»). В то же время в нём нет места системе общего равновесия Вальраса и её развития у К. Эрроу и Ж. Дебре. Может быть, ближе всего к этой концепции большой теории находится творчество видного американского институционалиста Дж.К. Гэлбрейта. В то время, как наиболее адекватным жанром научного исследования для фрагментированного мейнстрима является статья в журнале, содержащая теоретическую модель и, желательно, её обсчёт на основе данных, любимым жанром Гэлбрейта была монография. Широкий кругозор, опора на факты, остро поставленные проблемы, увлекательный стиль автора — всё это делало книги Дж.К. Гэлбрейта («Общество изобилия», «Американский капитализм», «Новое индустриальное общество» и другие) бестселлерами и позволяло ему оказывать более сильное влияние на общественное мнение, чем многие мейнстримовские экономисты, включая Нобелевских лауреатов. Интересно, что гетеродоксальный и близкий к социологии подход Гэлбрейта не исключал его из рядов профессиональных экономистов. Наиболее впечатляющим доказательством этого стало его избрание Президентом Американской экономической ассоциации и дискуссии, которые он вёл с виднейшими представителями академического экономического сообщества. Обсуждаемая нами проблема больших теорий в экономической науке также ставилась применительно к работам Гэлбрейта. Так, в рецензии на книгу Гэлбрейта «Американский капитализм» Р. Солоу писал, что мир можно разделить на великих мыслителей и мелких мыслителей. Он утверждал, что экономисты — решительно, мелкие мыслители. Со своей стороны, Гэлбрейт отказался участвовать в коллективном проекте американских экономистов (в котором важную роль играл Солоу), посвящённом исследованию феномена крупной корпорации, заявив, что не заинтересован в более узких работах с большей технической или математической точностью [Chirat, 2020]. Здесь почти дословно цитируется знаменитая дилемма Т. Майера «реалистичность против строгости» (truth vs. precision). Гэлбрейт, очевидно, всегда был на стороне реалистичности, но господствующая экономическая теория явно предпочитала строгость.

Если следовать нашему определению, то характер больших теорий скорее затрудняет, чем облегчает связь теории и политики, делает её более косвенной. Как уже было сказано, большие теории никогда не бывают полностью достроенными, оставаясь на уровне первого этажа или даже фундамента. А основывать политику на абстрактной теории — всё равно что покрывать крышей фундамент. Самый яркий пример здесь — попытки российских большевиков построить экономическую политику на идеях К. Маркса. Напомним, что они начали с попыток ввести прямой продуктообмен и вытеснить деньги. Конечно, система Маркса относилась к капитализму, а не к социализму, но и для капитализма вывести «пролетарские» политические выводы не удалось. Попытка завершить первый том «Капитала» всеобщим законом капиталистического накопления, где из концентрации и централизации капитала быстро вытекает экспроприация экспроприаторов, была очевидным забеганием вперёд в изложении теории с политическими целями. Из теорий второго канона — Ф. Листа, Дж.М. Кейнса, В. Ойкена, того же Дж.К. Гэлбрейта, вывести политику действительно можно, они для этого и предназначены, но относить их к большим теориям, на наш взгляд, непродуктивно. Концепцию Листа можно назвать теорией, но она сосредоточена на поверхностном конкретном уровне, использует компаративистику и органические метафоры. Хотя Кейнс и назвал свою теорию «общей», она была общей для занятости, процента и денег, но не включала других проблем, прежде всего тех, что принято относить к микроэкономике. Теорией, воплотившейся в успешную экономическую политику, называют ордолиберализм Ойкена и его последователей. Но если взглянуть в нее повнимательней, мы ясно увидим методологические основы экономической науки (в первой книге) и принципы экономической политики (во второй), но не найдем у Ойкена

того, что мы привыкли называть собственно теорией. То же самое можно сказать и об увлекательных нарративах Гэлбрейта.

В заключение нам придется согласиться со скептическим мнением М. Мертона относительно необходимости неотложного применения больших теорий для решения больших проблем: «Безотлагательность или масштабность практической социальной проблемы не гарантируют её немедленное решение в науке» [Мертон, 2006. С. 77].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Автономов В.С. (2022). Три источника и три героя маргиналистской революции [Avtonomov V.S. (2022). Three Sources and Three Heroes of the Marginalist Revolution] // *Вопросы экономики*. №7. С. 104–122.
- Автономов В.С. (2013). Абстракция — мать порядка? (историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической политики) [Avtonomov V.S. (2013). Is Abstraction the Mother of Order? (Historical and Methodological Considerations about the Connection between Economic Science and Economic Policy)] // *Вопросы экономики*. №4. С. 4–23.
- Ананьин О.И. (2005). Судьба «больших теорий» в экономической науке // О.И. Ананьин. *Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ* [Ananyin O.I. (2005). The Fate of «Big Theories» in Economic Science // O.I. Ananyin. *Structure of Economic-Theoretical Knowledge: Methodological Analysis*]. — М.: Наука. С. 145–169.
- Измайлов А.А. (2023). Предметная идентификация новой институциональной экономической теории: методология научно-исследовательских программ [Izmailov A.A. (2023). Subject Identification of the New Institutional Economic Theory: Methodology of Research Programs]: Дис. <...> канд. эк. наук. — М.: МГУ. Экономический факультет.
- Капелюшников Р.И. (2018). О современном состоянии экономической науки: полу-социологические наблюдения [Kapelushnikov R.I. (2018). On Current State of Economics: Subjective Semi-Sociological Observations] // *Вопросы экономики*. № 5. С. 110–128.
- Коган А.М. (1983). В творческой лаборатории Карла Маркса. План экономических исследований 1857–1859 гг. и «Капитал» [Kogan A.M. (1983). In the Creative Laboratory of Karl Marx. Plan of Economic Research 1857–1859 and «Capital»].— М.: Мысль.
- Мертон Р. (2006). Социальная теория и социальная структура [Merton R. (2006). *Social Theory and Social Structure*]. — М.: Хранитель.
- Миллс Ч.Р. (1998). Социологическое воображение // Пер. с англ. О. А. Оберемко. Под общ. ред. и с предисл. Г.С. Батыгина. [Mills C.R. (1998). *Sociological Imagination*]. — М.: ИД NOTA BENE.
- Полтерович В.М. (2018а). К общей теории социально-экономического развития. Ч. 1. География, институты или культура? [Polterovich V.M. (2018a). Towards a General Theory of Socio-Economic Development. Part 1. Geography, Institutions or Culture?] // *Вопросы экономики*. №11. С. 5–26.
- Полтерович В.М. (2018б). К общей теории социально-экономического развития. Ч. 2. Эволюция механизмов координации [Polterovich V.M. (2018b). Towards a General Theory of Socio-Economic Development. Part 2. Evolution of Coordination Mechanisms] // *Вопросы экономики*. №12. С. 77–102.
- Avtonomov V., Avtonomov Y. (2019). Four Methodenstreits between behavioral and mainstream economics // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 26. Iss. 3. Pp. 179–194.
- Chirat A. (2020). *L'Economie intégrale de John Kenneth Galbraith (1933–1983)*. Thèse de doctorat (version soutenue). <https://www.researchgate.net/publication/342734965> (access date: 21.12.2023. In French).
- Colander D., Huei-chun Su (2018). *How the Economics Should Be Done. Essays on the Art and Craft of Economics*. — Oxford (UK): Edward Elgar.
- A Revisionist's View of the History of Economic Thought (Interview with Philip Mirowski) (2005) // *Challenge*. Vol. 48. No. 5. September / October. Pp. 79–94.
- Shackle G.L.S. (1967). *The Years of High Theory*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Wei-Bin Zhang (2020). The Time for a Grand Economic Theory // Wei-Bin Zhang. *The General Economic Theory*. Springer. Pp. 1–17.
- Wisman J.D., Willoughby J., Sawers L. (1988). The Search for Grand Theory in Economic History: North's Challenge to Marx // *Social Research*. Vol. 55. No. 4. Pp. 747–773.

Автономов Владимир Сергеевич

vavtonomov@hse.ru

Vladimir Avtonomov

Doctor habilitis in economics, Corresponding Member RAS, professor of National Research University «Higher School of Economics»; Department head, the Institute of World Economy and International Relations. Primakov of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

vavtonomov@hse.ru

THE FATE OF «GRAND THEORIES» IN ECONOMIC SCIENCE

Abstract. In economic literature we can find discussions concerning the so called «grand theories» which are allegedly lacking in modern economic science. These theories could have counter the fragmentation tendencies which split economics into separate loosely connected parts. The notion of abstract «grand theories» emerged in sociology and was particularly developed by Robert Merton who compared them with empirically based and testable «middle-range theories» which should be preferred. A classical grand theory in the history of economic science was Karl Marx's theory. In some degree this nomination can be attributed to the general equilibrium theory of Leon Walras. Later a significant specialization and segmentation of economic theory occurred. Economic mainstream underwent great changes in several last decades, but their direction led to a greater heterogeneity. Despite some negative consequences of this trend and its critical reception in part of economic literature, a return to grand theories in foreseeable future is highly unlikely.

Key words: *methodology of economic science, grand theory, segmentation, Karl Marx, marginalist revolution, general equilibrium theory, mainstream economic theory.*

JEL: B13, B14, B25, B41.